

большое празднество.

И еще она рассказала ему о том, как сэр Ланселот пропал два года и как он все это время был безумен и как он был наконец исцелен священной чашей Граалем.

– Увы! – молвил сэр Тристрам, – этому причиной была ссора между ним и королевой Гвиневерой.

– Сэр, – отвечала леди Изольда, – мне все это известно, ибо королева Гвиневера прислала мне письмо, в котором написано, как все это было, чтобы я попросила вас заняться его поисками.

– Но теперь, благословен да будет Господь, – сказала Прекрасная Изольда, – он снова в здравии и благополучии и уже возвратился ко двору.

– А, Иисусе! Это меня весьма радует, – сказал сэр Тристрам. – А теперь и вам и мне следует приготовиться в путь, ибо мы с вами отправляемся туда на празднество.

– Сэр, – отвечала леди Изольда, – с вашего изволения, я предпочла бы не ездить туда, ибо мое присутствие выделяет вас из всех рыцарей и из-за меня вам приходится слишком много сражаться.

– Тогда и я не поеду, – сказал сэр Тристрам, – если вы предпочитаете туда не ездить.

– Упаси Бог, – сказала Прекрасная Изольда, – ведь тогда обо мне будут дурно говорить все королевы и знатные дамы; ибо как же это возможно, чтобы вы, один из благороднейших и славнейших рыцарей в мире и рыцарь Круглого Стола, не присутствовали на празднестве? Что же тогда скажут о вас другие рыцари? «А! Поглядите-ка на сэра Тристрама: на соколиную и псовую охоту он ездит, за стенами замка отсиживается со своей дамой, а с нами не знается. Увы, – скажут из них иные, – жаль, что он назвался рыцарем и удостоился любви прекрасной дамы».

А что королевы и дамы скажут обо мне? Скажут, жаль, что такая женщина живет на свете, которая столь благородному рыцарю, как вы, препятствует в делах славы.

– Да поможет мне Бог, – сказал сэр Тристрам Изольде Прекрасной, – это отличные слова и благородный совет. Я вижу теперь, что вы меня любите. И как вы мне советуете, так, в главном, я и поступлю. Но только поеду я один, ни муж, ни отрок не будут меня сопровождать. И отправлюсь в путь в будущий вторник, вооруженный лишь копьем своим и мечом.

2

И вот, когда подошел срок, сэр Тристрам простился с Прекрасной Изольдой, и она отправила с ним четырех рыцарей, но, отъехав на полмили, он отослал их назад. После того проехал он еще милью и увидел впереди сэра Паломиды, повергнувшего наземь какого-то рыцаря и ранившего его едва не насмерть. И тогда пожалел сэр Тристрам, что на нем нет доспехов, придержал коня и остановился. А сэр Паломид, лишь только завидел сэра Тристрама, крикнул ему громким голосом:

– Сэр Тристрам, раз уж мы встретились, то, прежде чем расстаться, рассчитаемся за все старые обиды!

– Что до этого, – отвечал сэр Тристрам, – то на свете нет среди христиан человека, который мог бы похвастаться, что я перед ним обратился в бегство. И да будет ведомо тебе, сэр Паломид, что уж тебе-то, сарацину, и подавно не придется похвастаться, что перед тобой обратился в бегство сэр Тристрам Лионский.

И с тем сэр Тристрам пустил вскачь своего коня и со всей мощью устремился на сэра Паломиды, ударил его копьем, и расколось его копье на сотню кусков, Тогда сэр Тристрам выхватил меч свой, снова повернул коня и обрушил тому на голову шесть могучих ударов. А сэр Паломид стоял и глядел на сэра Тристрама и дивился его пылу и его неразумию. И сказал себе сэр Паломид так: «Этого сэра Тристрама, даже и без доспехов, теперь не удержишь от боя. Но если я теперь направлю на него коня и убью его, буду навеки опозорен, куда ни поеду».

Тут говорит ему сэр Тристрам:

– Эй, трусливый рыцарь, что намерен ты теперь сделать? Отчего не хочешь ты биться со мною дальше? Можешь не сомневаться, я выстою против тебя и против всей твоей злобы.

– А, сэр Тристрам, – отвечал сэр Паломид, – ведь ты отлично знаешь, что биться с тобою мне был бы позор, ибо ты обнажен, я же облачен в доспехи, и если я тебя убью, то будет лишь к моему бесчестью. И ты знаешь отлично, – сказал сэру Тристраму сэр Паломид, – мне известны твоя сила и стойкость в рыцарском поединке.

– Это правда, – отвечал сэр Тристрам. – Мне понятны твои сомнения.